

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.12>

Сарбашева Алена Мустафаевна

**ФОЛЬКЛОР КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ЭТНОПСИХОЛОГИИ В БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. ТЕППЕЕВА И Б. ГУРТУЕВА)**

Статья посвящена актуальной в литературоведении проблеме взаимодействия устного народного творчества с письменной словесностью. Введенные в художественную структуру произведений классиков балкарской литературы Алима Теппеева и Берта Гуртуева устно-поэтические мотивы (в частности, мотивы черно-бурой лисы, чудесной бусины), фольклорные тексты (историко-героическая песня "Песня Мисирбия", песня-плач "Большой Хож") рассматриваются как средство отражения этнопсихологии героя, определения специфики его мировосприятия в контексте воссоздаваемых исторических реалий. Обращение к ресурсам устной словесности определяется как один из эффективных способов передачи психоэмоционального состояния действующих лиц в повествовании. Результаты исследования утверждают конструктивную роль фольклорного наследия в решении художественной проблемы формирования этнопсихологии в литературе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 1. С. 54-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.512.142

Дата поступления рукописи: 16.03.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.12>

Статья посвящена актуальной в литературоведении проблеме взаимодействия устного народного творчества с письменной словесностью. Введенные в художественную структуру произведений классиков балкарской литературы Алима Теппеева и Берта Гуртуева устно-поэтические мотивы (в частности, мотивы черно-бурой лисы, чудесной бусины), фольклорные тексты (историко-героическая песня «Песня Мисирбия», песня-плач «Большой Хож») рассматриваются как средство отражения этнопсихологии героя, определения специфики его мировосприятия в контексте воссоздаваемых исторических реалий. Обращение к ресурсам устной словесности определяется как один из эффективных способов передачи психоэмоционального состояния действующих лиц в повествовании. Результаты исследования утверждают конструктивную роль фольклорного наследия в решении художественной проблемы формирования этнопсихологии в литературе.

Ключевые слова и фразы: фольклор; национальная литература; жанр; мотив; символ; этнопсихология; А. Теппеев; Б. Гуртуев.

Сарбашева Алена Мустафаевна, д. филол. н., доцент

Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра

Российской академии наук, г. Нальчик

alenasarb@mail.ru

ФОЛЬКЛОР КАК СРЕДСТВО ОТРАЖЕНИЯ ЭТНОПСИХОЛОГИИ В БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА А. ТЕППЕЕВА И Б. ГУРТУЕВА)

Неразрывность связи устной словесности с письменной на всех этапах эволюции художественной мысли указывает на необходимость специального исследования актуальной в литературоведении проблемы взаимодействия двух эстетических систем – фольклора и литературы. Практика показывает, что национальные писатели в своем творчестве активно используют различные жанры устного народного творчества (плачи-причитания, лирические песни, сказы, легенды, притчи, пословицы, сказки и т.д.) вкупе с этнографическими конструкциями, что обусловлено их стремлением передать нравственно-философскую концепцию народа, которая ярко представлена в духовном наследии.

Наличие в произведениях балкарских авторов различных фольклорных моделей как «своеобразная национально-самобытная аргументация была обусловлена идейно-эстетической необходимостью, возникающей в процессе художественного творчества писателей» [1, с. 76].

В результате проведенного анализа нам удалось выявить ряд образцов устной словесности, введенных в художественную структуру произведений: *таурух* – легенда («Бу эки къабыр кимнидиле?») [15]. / «Чьи эти две могилы?» (С. Хочуев); *соймеклик жыр* – песня о любви; календарно-обрядовая песня «Эрирей» («Эрирей» З. Толгурова [10]); *сарнау* – похоронная обрядовая песня-причитание («Кюн батмайды» («Солнце не заходит») А. Теппеева [8], «Гошаях бийче» («Княгиня Гошаях») М. Ольмезова [5]), обрядовая песня «Озай» («Коммунист» А. Теппеева [7]) и т.д.

Подобными вкраплениями изобилует роман Б. Гуртуева «Жангы талисман» («Новый талисман») [2]. Фольклорно-этнографический фон особенно сгущен в первой части эпического полотна. Здесь национальный компонент «наделен» эстетическими функциями, которые заключаются в художественном выявлении большого количества реалий быта, этики, что определяет и особенности исторической действительности, и специфику мировоззрения действующих лиц произведения.

Многообразием людских судеб, соотносением исторических реалий писатель стремится полнее отразить предреволюционный и революционный периоды в жизни балкарского народа. Главного героя Ибрагимавтора показывает в разных жизненных коллизиях, которые и воздействовали на формирование его характера. В его образе писатель воплотил тип человека: угнетенного, верившего в предопределенность судьбы, вместе с тем устремленного к социальной справедливости. «Ибрагимавтор казался непонятным, что одни работают, а другие обогащаются за счёт их труда и распоряжаются ими... В голове его никак не укладывалось, почему одни быстро богатеют, а другие, хотя и трудятся, остаются бедными» [Там же, с. 39]. И здесь важно отметить, что Б. Гуртуев в художественную ткань произведения осознанно включает фольклорно-этнографические мотивы «как своеобразный метафизический код, посредством которого моделируется картина мира, этноса» [4]. В частности, таковыми являются мотивы черно-бурой лисы и чудесной бусины (бусины желаний), усиливающие эмоциональный фон повествования.

Картина погони за лисой – одна из ярких в романе – в контексте художественного произведения дает возможность раскрыть этнопсихологию народа, показать специфику его мировосприятия, основанную на мифопоэтическом представлении о мироздании в целом. «Ибрагимавтор из всех сил бежал вверх по улице, догоняя других сельчан, развевая на ветру рваные полы старой черкески. Никто не хотел отставать. Каждый стремился первым увидеть и убить черную лису, получить кусочек от ее шкуры, чтобы стать счастливым и богатым...» [2, с. 22].

Шкура черной лисы в представлении героев романа обладает сверхъестественными свойствами. На вопрос «Как же разбогател местный бай Дюгербий?» у Ибрагимавтора один ответ: «Шкура черной лисы, зашитая в подкладку шапки, – источник счастья» [Там же, с. 21]. Она как объект поклонения и веры – символическое средство, имеющее магическую, мифологическую, фольклорную основы. Согласно издавна бытующему в народе

мнению, шкура черной лисы интерпретируется как мифический источник счастья, что находит подтверждение, к примеру, в материалах нартского эпоса [14].

Символ как один из основных художественных средств фольклора определяется научной мыслью не только как стилистическая категория, но и мировоззренческая. Под ним рассматривается «устойчивое, строго дифференцированное по содержанию представление, вызывающее постоянный круг ассоциаций в поэтической (и не только) системе» [1, с. 76].

В рассматриваемом романе Б. Гуртуева «Новый талисман» в ряду символов особое место занимает образ блестящей голубой бусины, которая (как и шкура черной лисы) в понимании героев ассоциируется с большим счастьем и здоровьем. «Это не простая бусина. Эта удивительная вещь упала с небес вместе с градом. И упала не сама по себе, а ее принесли ангелы аллаха. Именно ангелы положили ее на твою дорогу, ради твоего счастья...», – утверждает Аслан-эфенди [2, с. 44]. Потому Ибрагим воспринимает свою находку как ниспосланный божий дар. И в качестве необходимой платы за счастье, дарованное ему свыше, «он в угоду аллаху будет каждый год поститься в уразу и ежедневно совершать по пять намазов» [Там же, с. 45].

Мотив чудесной змеиной бусины прослеживается в различных устнопоэтических источниках, к примеру, в карачаево-балкарской сказке «Солтан-Гирей» [6], в осетинском фольклоре (в преданиях, сказаниях, обрядовых песнях) [4].

Согласно проведенным научным исследованиям [3], издавна в представлении карачаевцев и балкарцев бусина (минчакъ) обладала целительными свойствами, из-за чего в этномедицине она широко использовалась в лечебных целях. В зависимости от болезни и степени ее тяжести применялись бусины разной величины и цветовой гаммы. Неслучайно в романе Б. Гуртуева эпизод находки бусины главным героем предваряется авторской ремаркой: «Первое счастье для человека – это здоровье, физическая сила...» [2, с. 38-39].

Писатель, как явствует из текста, хорошо знал мотив появления бусины, которая, по преданию, появляется на земле во время сильной грозы. Потому в романе «Новый талисман» Б. Гуртуев, следуя композиционной последовательности фольклорного сюжета, творчески целенаправленно описывает природное явление – град, после которого Ибрагим находит «бусину счастья»: «Дождь усиливался. Вскоре с дождем начали падать мелкие градинки. Они отскакивали от сухой земли и камней. В небе вновь сильно загрохотало. В высокое дерево прямо перед селом ударила молния. В этот момент старый пес поднялся и побегал в дом...» [Там же, с. 27]. Вместе с тем литературно-критическая мысль рассматривала данное природное явление в контексте произведения не как составляющую фольклорно-мифического комплекса, а как локальный, независимый фрагмент художественного текста, искусственно привнесенный автором в сюжетное пространство [13, с. 80].

Фольклорная доминанта в национальной литературе на последующих этапах ее развития отмечается в типизации характеров, образов. Обращение балкарского писателя А. Теппеева в своем творчестве к лучшим образцам устной словесности как национальному эстетическому ресурсу рассматривается как один из аспектов стиля автора. К примеру, важной составляющей художественного пространства романа «Тяжелые жернова» [9] являются фольклорные реминисценции, вкрапления («Песня о Мисирбии», песня-плач «Уллу Хож», Легенда о нартском герое Дебете, Легенда о диких оленях).

Следует отметить, что для творчества А. Теппеева в целом характерны отступления в прошлое народа, которое отражается в памятниках устной словесности. Фольклорные тексты в произведениях писателя не являются нарочито цитированными фрагментами. Они не перегружают его, напротив, гармонично вливаются в художественную ткань, не нарушая ее композиционную целостность. Тем самым автор совершает экскурс в историю народа, в котором в качестве безупречного «путеводителя» выступает устное народное творчество. Так, в структуру указанного эпического полотна включено восемь фрагментов карачаево-балкарской историко-героической песни «Мисирбийны жыры» («Песня о Мисирбии»), в которой воспеваются героизм, отвага, храбрость князя Мисирбия, пользовавшегося большим авторитетом в феодальном кругу народов Северного Кавказа. Обращаясь к фольклорному образу Мисирбия, А. Теппеев дает психологическое обоснование действиям героя романа Мухтара. Подобный творческий прием способствует глубокой передаче психоэмоционального состояния действующего лица художественного произведения. На фоне происходящих драматических (трагических) событий – оккупации села Жамауат немецкими захватчиками – «вербализуется» народная песня: ее «поет» гора Сырбыт, которая, возможно, по предположению автора, была «очевидцем» подвига народного героя Мисирбия.

Фольклорный сюжет, проникая в структуру повествования, придает сказочный колорит. Песня «зовет» Мухтара, поднимающегося по крутому склону Сырбыта. Здесь изображаемая автором действительность принимает облик видения, которое воспринимается как сущее: «Теперь он (Мухтар. – А. С.)... шагал навстречу той песне, словно вышел на поиски ушедшего в поход отважного Мисирбия. И чем дальше уходил он от аула, чем выше поднимался по Сырбыту, тем сильнее из нутра горы стучался мир сказок и удивительных походов – он здесь, заточен в толще Сырбыта. Мухтар шёл, чтобы найти двери, открыть их и выпустить этот мир. Трудно было поверить, что в этот час на эти древние земли, в чреве которых ворочался, ища выхода, чудесный мир – просачивался родниками, вырывался водопадами, пробивался травой, исторгался порой лавинами, – шёл враг. Что над этим миром, который удерживала в себе гора Сырбыт, будет ходить захватчик. Трудно было поверить. Но освободить землю от поработителя, думал Мухтар, будет не легче, чем найти и открыть двери в Сырбыт. Ему показалось, что его с каким-то наказом послали в этот потаённый мир, а он самым постыдным образом заблудился. Но песня пришла на помощь, и она должна была вывести на дорогу» [Там же, с. 112].

Каждый последующий фрагмент песни, каждая строка в ней определяют психологическую последовательность духовного возмужания Мухтара, вдохновляют его на героическую борьбу с иноземными захватчиками. Описывающиеся в народной песне события усиливают драматизм происходящего в жизни героя:

«Ой, тай-тай, по цели бить – Басият мастер (ловок)
Ой, такой, говорят мастер (ловкий).
А если возьмут в окружение – Зорт сильней.

Ой, тай-тай, душа моя, Геуюз, нелегкая будет участь,
Ой, так-то участь говорят.
Коли так, седлайте белоногого коня Мисирбия...

Ой, тай-тай, туда поедешь – на белом коне будь впереди,
Ой, так-то, впереди говорят...» [Там же, с. 113].

Как видно из художественного текста, условные фольклорные реалии сменяются военной действительностью. Становится очевидно, что нравственный опыт народных героев воспринимается Мухтаром как призыв к борьбе с врагом, формирует в нем такие качества, как патриотизм, мужество, непоколебимость.

А. Теппеев избирает прием двойничества персонажей (Мисирбий – герой народной песни и Мухтар – действующее лицо романа). Писатель осознанно допускает смешение реалий: фольклорно-мифологической и исторической. «Принципы фольклорной типизации могут прояснить народный идеал героического характера, самой героики, этических норм, нравственных ценностей, но они не могут заменить реалистическое обобщение действительности», – пишет В. Тугов [11, с. 89]. В отличие от фольклорной, литературная эстетика предусматривает создание реалистического характера-типа, проникновение в психологию персонажей.

Во второй части романа «Тяжелые жернова» для усиления героико-трагического начала автор также использует прием ретроспекции посредством обращения к фольклорным источникам. Писатель вводит в структуру повествования историю об Уллу Хож (Большой Хож), отраженную в одноименной народной песне-плаче: «И они поняли (жители аула Жамауат. – А. С.), что не выдумкой была песня об Уллу Хоже. Она была жизнью, одной из суровых испытаний, ниспосланных людям аллахом. И уллу Хож, как и Жамауат, был аулом, и в нем жили люди... Но пришла беда, и начался бой. Первыми выступили женщины с детьми, а за женщинами – мужчины. Так они пошли, чтоб ни один не достался врагу живым. Так они сражались и погибли – люди древнего аула Уллу Хож... И не зря пролилась эта кровь... Они знали: жизнь под гнетом захватчика – не жизнь. Не сила с силой встретились, не ружье с ружьем, а любовь к родине с насилием. И люди Уллу Хожа жизни предпочли честь... Потому и пел эту песню в густом тумане дровосек...

В воздухе мелькает кисть красавицы Уркуят, орайда,
Пусть же сбудется бедного народа мольба, орайда...
И песня сходила из тумана прямо на Жамауат как предзнаменование» [9, с. 298].

А. Теппеев, художественно комментируя сложившуюся ситуацию в оккупированном фашистами балкарском ауле, дает свои собственные размышления о судьбах людей в контексте происходящих исторических событий. Связанные с Великой Отечественной войной трагические потрясения, постигшие жителей Жамауата, идентичны по степени трагизма суровым испытаниям, выпавшим на долю черкесского аула Ходзь на реке Лаба в 1859 году. В карачаево-балкарской песне повествуется о совершенных бесчинствах и безмерной жестокости по отношению к мирному населению. Сцены массовых расправ над мирным населением, беззащитными черкесскими стариками, детьми, женщинами (*Ожакъларыбыз жау чыракълай жаналла // Сабийлери биз ат аякъ тюрюнде къалалла... Къарох улу, итден туугъан ийнарал // Сабийлени, уругъа къуоп, кюйдюред // Бой бермеген ариу черкес къызланы // Къымыжа этип, чыбыкъ бла тюрдюред* [12, с. 247]... / *Дома наши (очаги) горят как свечи // Под копытами лошадей погибают дети // Карахов – генерал, собачий сын // Заживо сжигает детей, бросив в яму // Непокорных красивых черкесских девушек // Раздев догола, наказывают розгами...* (подстрочный перевод автора статьи. – А. С.)) перекликаются с картинами жестокого обращения немецких оккупантов с жителями балкарского аула Жамауат.

В песне-плаче зеркально отражены события периода русско-кавказской войны, воспеваются удивительная стойкость и патриотизм жителей аула. По свидетельству очевидцев, особую храбрость проявляли женщины, которые наравне с мужчинами оказали героическое сопротивление солдатам царской армии. В числе таковых были Уркуят и Байдымат. В романе «Тяжелые жернова» А. Теппеева образ Азинат, комсомолки, партизанки, зверски убитой фашистами, типологически схож с образами героинь из народной песни «Уллу Хож» (Большой Хож): «...Азинат стояла, высоко подняв голову. Из разодранной кофточки светилась белая девичья грудь, руки ее с тонкими длинными пальцами касались стены, длинные растрепанные волосы рассыпались, стараясь прикрыть исхудавшее тело девушки. Она смотрела на насильника, несколько не боясь его, и, казалось, испытывала гордость, какой прежде не знала. Нет никогда она не встанет на колени перед врагом! Ни одна горская женщина не встала до нее, не встанет и она! А умирают люди и достойней ее...» [Там же, с. 296].

Как показывает анализ, тесное взаимодействие устно-поэтического материала и собственно художественного текста является эффективным способом постижения этнопсихологии героя в его единстве с исторической эпохой. Введенные в художественную структуру произведений балкарских писателей фольклорные компоненты играют конструктивную роль и полифункциональны. С одной стороны, они рассматриваются как приметы уклада жизни; с другой – являются маркерами авторского стиля, языка, содержания повествования. Богатейший опыт фольклорно-художественных традиций, сосредоточенных в духовном пласте, как средство отражения национального колорита способствует решению проблемы формирования характера, этнопсихологии в целом.

Список источников

1. **Бирюкова О. И.** Фольклор и литература как единая метасистема в формировании финно-угорских литератур Среднего Поволжья // Актуальные проблемы современной фольклористики: материалы международной научно-практической конференции (г. Казань, 29 июня 2009 г.). Казань: Алма-лит, 2009. С. 75-76.
2. **Гуртуев Б.** Новый талисман. Нальчик: Эльбрус, 1975. 448 с.
3. **Джургубаев М. Ч.** Мифология и эпос карачаево-балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 2011. 484 с.
4. **Кусаева З. К.** Мотив чудесной бусины (ЦЫКУРАЙЫ ФÆРДЫГ) в фольклоре и этнической культуре осетин [Электронный ресурс] // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 8 (103). С. 165-172. URL: <http://izvestia.vspu.ru/files/publics/103/165-172.pdf> (дата обращения: 22.09.2016).
5. **Ольмезов М.** Гошаях бийче (Княгиня Гошаях): трагедии. Нальчик: Эльбрус, 2003. 327 с.
6. **Солтан-Герий** // Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор). Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 162-168.
7. **Теппеев А.** Коммунист: пьеса // Шуёхлукъ (Дружба). 1978. № 3. С. 8-100.
8. **Теппеев А.** Кюн батмайды (Солнце не заходит). Нальчик: Эльбрус, 1971. 219 б.
9. **Теппеев А.** Тяжелые жернова. М.: Советская Россия, 1985. 384 с.
10. **Толгуров З.** Эрирей. Нальчик: Эльбрус, 1972. 208 б.
11. **Тугов В.** Человек, преобразующий мир // Бекизова Л. А., Караева А. И., Тугов В. Б. Жизнь. Герой. Литература: о прозе писателей Карачаево-Черкесии. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1978. С. 69-132.
12. **Уллу Хож (Большой Хож)** // Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор). Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 247-249.
13. **Урусбиева Ф.** Путь к жанру. Нальчик: Эльбрус, 1972. 176 с.
14. **Холаев А. З.** Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик: Эльбрус, 1974. 143 с.
15. **Хочуев С.** Бу эки къабыр кимнидиле? (Чи эти две могилы?) // Хочуев С. Жаннган отну ичинде (В полыхающем огне): рассказы, статьи. Нальчик: Эльбрус, 2009. С. 111-133.

**FOLKLORE AS THE MEANS OF ETHNOPSICOLOGY REFLECTION IN BALKAR LITERATURE
(BY THE MATERIAL OF A. TEPPEEV'S AND B. GURTUEV'S CREATIVITY)**

Sarbasheva Alena Mustafaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
*Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Nalchik*
alenasarb@mail.ru

The article is devoted to the problem of interaction between folklore and written literature, which is topical in literary criticism. Folklore and poetic motives (in particular, motives of the black fox, wonderful bead) and folklore texts (the historical-heroic song "The Song of Misirbiya", the song-cry "Big Khozh"), introduced in the artistic structure of the works of the classics of Balkar literature Alim Teppeev and Bert Gurtuev, are considered as the means of reflection of a character's ethnopsychology, determining the specifics of his / her worldview in the context of reconstructed historical realia. Reference to folklore resources is defined as one of the effective ways of transferring the psycho-emotional state of actors in the narrative. The results of the research allow us to affirm the constructive role of folklore heritage in the solution of the artistic problem of ethnopsychology formation in literature.

Key words and phrases: folklore; national literature; genre; motive; symbol; ethnopsychology; A. Teppeev; B. Gurtuev.

УДК 82.09

Дата поступления рукописи: 03.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.13>

Статья посвящена исследованию мастерства зачинателя якутской прозы Анемподиста Софронова. Автором статьи отмечено, что писатель одним из первых в национальной прозе дал развернутые портретные характеристики персонажей, подробно описывающие внешность человека. Установлено, что характер человека в рассказах соответствует его внешнему облику: внешность положительных героев привлекательна и гармонично сочетается с их внутренним миром, а отрицательные персонажи преимущественно представлены в сатирическом ключе. В женских портретах выделяются грация, пластика движений. При создании карикатурных портретов используются приемы гротеска, антитезы, ярко выраженной речевой характеристики. Автор приходит к выводу, что в произведениях А. Софронова художественное описание внешности человека и психологический портрет подчинены одной цели – раскрытию личности персонажа.

Ключевые слова и фразы: портретная характеристика; психология героев; карикатурный образ; авторская оценка; пластичность; А. И. Софронов.

Семенова Валентина Григорьевна, к. филол. н., доцент
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
setenova_ykt@mail.ru

ПОРТРЕТ В РАССКАЗЕ А. И. СОФРОНОВА «МОРОКА ИЗ-ЗА ПУСТЯКА»

Основоположник якутской литературы Анемподист Софронов как зачинатель внес значительный вклад в портретное изображение человека в якутской прозе. Первые рассказы писателя «Рассказ» (1912), «Рассказ